

Раздел IV

ИСТОРИЯ СОЗНАНИЯ

A. C. Козлов

Historia и семь свободных искусств: чем была «история» в Средние века?

В исследованиях средневековой исторической мысли приоритетом пользуются формы и функции историописания, их связь с социальной и идейной обстановкой. В меньшей мере обращается внимание на место в этой мысли таких понятий, которые берут свое терминологическое происхождение в той далекой эпохе, но являются сейчас базовыми для историографии. В частности, в качестве подобной проблемы можно рассматривать сочетаемость в медиевальном мышлении таких явлений, как *historia* и *scientia*. Если предполагать, что историописание предусматривает рефлексию, «теорию истории», то, отталкиваясь от понятия *historia*, бытующего в классических средневековых текстах, позволительно поставить следующие вопросы: а) «история» как *scientia* и ее место в системе знаний Средневековья; б) значимость *historia* для образованных людей того времени.

В этом ключе уже капитально работали К. Койк (диссертация 1934 г.), Х.-О. Рупп (известная статья в *Saeculum*, 1951, № 2), О. Энгельс (статья 1975 г.), Б. Жене (монография 1980 г.), Дж. Мелвил (статьи 1970 – 1980-х гг.), ныне успешно работает Х.-В. Гэтц. Каждый из специалистов выявил весьма важные стороны в бытовании «истории» в рамках тогдашнего мировоззрения. Но каждый новый исследователь при скрупулезном прочтении текстов, в которых бытует термин *historia*, видит в нем системообразующее явление, разительно отличающееся от современного смысла, вкладываемого в это понятие. Правда, механизм такого системообразования, если исходить из активной роли в нем *historia*, трактуется по-разному.

Я полагаю, например, что самого пристального внимания заслуживает здесь в качестве отправного момента тот широко известный факт, что разработанная в поздней античности (Маркиан Капелла) система семи свободных искусств благодаря Кассиодору и Исидору Севильскому как канон образования утвердилась в Средневековье, но не осталась статичной. Средневековая мысль включала *ars liberales* в обе системы философии, которые считались суммой всех наук по крайней мере по начало XIII в., — в восходящую к Аристотелю классификацию, предложенную Боэцием и Кассиодором («практика» и «теорика», вместе с их дисциплинами), а также в «платоновскую» классификацию Августина и Исидора Севильского («логика», «этика» и «физика»), которая при аристотелевском ренессансе (с XIII в.) оставалась, по сути, основной. Ориентированный на «языковые науки» тривиум был тогда, как правило, подчинял логике, а квадривиум — физике. Ничего в этой схеме не изменилось, когда в начале XII в. заново стала упорядочиваться система наук в школах при кафедральных соборах. Классификации переплетались, «физике» стали придавать большее значение, а в лоно наук приняли новые дисциплины — *artes mechanicae*, а также (прежде всего в университетах) медицину и право. *Artes* (среди которых резко вырос вес диалектики), занимавшие центральное место в системе наук, теперь это место утратили, но остались непоколебимы в сфере преподавания. Знание *artes* оставалось предпосылкой и составной частью философии и формировало (как и прежде) принципы теологических поисков.

В этой системе напрасно искать *historia*, как среди свободных искусств, так и в классификациях наук классического Средневековья, и даже у Гуго из Сен-Виктора (этого средневекового Д. Менделеева с его *Didascalon* вместо периодической системы), который, как известно, придавал истории большое значение. Казалось бы — парадокс: историописание активно практиковалось в конвентах монастырей, в школах при кафедральных соборах и, без сомнения (вслед за Исидором Севильским — *Etym.* 1, 42), признавалось научной деятельностью (Гуго — *Didascalon*, 3.2 — поместил историописателей среди *auctores* наук).

То, что *historia* не была наукой в тогдашнем смысле слова, следует объяснять ее местом среди *artes*. Слово «*historia*» то и дело всплывает в литературе об *artes*, но присовокупляется к различным искусствам. Л. Бем первым указала, что у Исидора Севильского к составным частям грамматики, наряду с *littera*, *syllaba* и т. д., причисляются также *fabulae* и *historiae*, а к *historia* автор обращается в рамках грамматики, так как она письменно фиксирует то, что достойно воспоминания (*Etym.* 1, 41): *haec disciplina [historia] ad grammaticam pertinet, quia quidquid dignum memoria est litteris mandatur*. Мысль эта восходит к Августину, который, в свою очередь, следовал за Варроном. Грамматика, которую Августин определял как *litteratura*, как науку о буквах и письме, охватывала тогда все, что заслуживало передачи в письменном виде. Иногда современные специалисты пытаются увидеть здесь существование исторической дисциплины в рамках грамматики, но Августин обращает внимание не на *historia*, а на саму грамматику, он не рассматривает *historia* как область грамматики, а лишь указывает, что она как наука о письменных свидетельствах касается, кроме всего прочего, и «истории»: *historiae*, как и всякие письменные труды, были объектами рассмотрения грамматики, и грамматика занималась не «историей», а интерпретацией историописательских трудов. Наиболее четкое в этом отношении определение (вслед за Максимом Викторином) соотношения грамматики и истории давал в IX в. Грабан Мавр (*De institutione clericorum*, 3. 18).

Сходным образом строились отношения между *historia* и риторикой. В той античной риторике, к которой обращался Исидор Севильский (Цицерон, Квинтилиан, Геллий), *historia* была формой *narratio* — изложением в публичных речах разбираемых обстоятельств дела. В противоположность *fabula*, рассказу о невозможном, и *argumentum*, рассказу о возможном, но не имевшем места событии, она создавала *genus narrationis*, в чью обязанность входило сообщать правду (*Etym.* 1, 44). Античная риторика точно описывает черты такой *historia*: это рассказ, который содержит правду (в средневековом историописании данное требование превратилось в топос), базируется

на каком-то событии (Cicero. *De inventione*, 1. 19. 27; Quintilian. *Institutiones oratoriae*, 2. 4. 2) и касается прошлого (Cicero. *De inventione*, 1. 19. 27; Auctor ad Herennium, 1. 8. 13).

Именно такого рода понимание истории от Исидора перешло в Средневековье. Риторика, таким образом, не создает этой дефиниции, а использует ее для своей теории речи и обозначает как *historia* один из аспектов *narratio*, где содержится нечто историческое. Средневековая риторика, как заметил А. Зейферт, исходила не из «истории», а из *historia scribenda*, искусства писать историю.

Таким образом, если грамматика как наука о письме обращалась к готовым историческим произведениям, то риторика как наука о теории речи и языка помогала созданию новых трудов исторического содержания. Оттого-то в Средние века *historia* упоминается при обращении к грамматике и риторике. Так, например, в начале XII в. Гонорий, описывая порядок ступеней на пути к здравию и мудрости с помощью десяти *artes*, помещал *historia* как *villa* (наряду с *fabulae, libri oratorie et ethice conscripti*) в град риторики (Migne PL. Vol. 172. Sp. 1244).

Таким образом, *historia* не попадает в качестве составной части в какие-либо *artes*, если даже последние ею занимаются. Поэтому не прав Зейферт, полагающий, что хотя *historia* не составляет отдельной *arts*, но находит место внутри некоторых *artes*. Отсюда возникает вопрос: почему разные «искусства» занимались «историей»? Здесь следует отметить, что еще Х. Волтер в статье 1959 г. об историческом образовании в рамках *artes liberals* установил, что *artes* являлись важнейшей основой для исторического образования, ибо все «искусства» вносили в него вклад частью своего содержания и своей методики. Грамматика влияла на язык историописания и формировалась первичные исторические знания, так как занимающиеся ею читали, кроме всего прочего, и историков; схема *accessus ad auctores*, один из прототипов истории литературы в форме вступления к произведению, обнаруживается во многих прологах к историографическим трудам. Что касается риторики, то она через свои критерии техники речи способствовала формированию стиля и некоторых принципов историописания, — например, поста-

новке вопросов о circumstantiae (*persona, causa, locus, modus, ratio, tempus, adminicula*), функциях учения о добродетели, — а также становлению методических принципов выборки или отделения ложного от правдивого, «следования или избегания» (*sequendae aut fugienda* или *fuga et election*, как позднее говорил Оттон Фрейзингенский), — принципов, которые постоянно подчеркивались историописателями, прежде всего в прологах, обладавших сильным риторическим зарядом. Таким образом, риторика способствовала увеличению ранга и веса исторического образования.

Дж. Мелвилл, задаваясь вопросом о «теоретических основах многообразных проявлений исторического познания» в средневековой Европе, также пришел к выводу, что риторика поставляла инструментарий и определяла (через вменение определенных методических правил) своеобразие историописательства, при котором создавалось нечто исторически «объективированное», пусть вначале только как форма специфического «исторического произведения» (*opus*), наполненная материалом исторического содержания.

Что касается тогдашней диалектики, то она, как полагает Х. Волтер, только иногда помогала констатации правдивости содержания произведения, ибо квадривиуму были присущи лишь функции вспомогательной *scientia*, которые требовались для хронологии (арифметика и астрономия), географических знаний (геометрия) и понимания того, что все в истории подвержено порядку и гармонии (музыка). На деле календарно-исчислительный характер историописания того времени формировал собственные способы взаимодействия с науками, включавшими в себя знание математики. Недаром в одной рукописи или фолианте всемирные хроники часто соседствовали с трудами, присущими квадривиуму, а хронография со своей тенденцией к точному счету времени была ближе к астрономии и арифметике, чем к грамматике и риторике, не обнаруживая при подобном методическом родстве с квадривиумом какой-либо принадлежности к одной из его дисциплин.

Итак, не *historia* входила в *artes*, но *artes* поставляли ей методическое обеспечение для создания исторических трудов

и одновременно способствовали историческому образованию. Дж. Мелвилл и Х. Волтер из подобных наблюдений сделали неверный вывод, определяя *historia* как особую отрасль знания наряду с классическими искусствами. Приводимый ими материал также не способствует этому выводу: Сигеберт из Жвмбуль причислял к учению о природе и мире (т. е. к физике) не *historia*, а свою хронику, ибо она вносила в него, по его мнению, некоторый вклад. С Вильямом Мэмсберийским неясно: рассматривал ли он *historia* как *sciencia* наряду с логикой, физикой и этикой или причислял ее к *partes* этики из-за присущих ей наставлений в добродетели. Вряд ли прав и Х. Волтер, который, ссылаясь на Гуго из Сен-Виктора, относил *historia* к *appendentia atrium*, т. е. к искусствам, которые «каким-либо образом» стояли вне философии и имели подготовительный характер. На деле Гуго перечисляет в указанном месте такие жанры, как стихи, трагедии, комедии, сатиры и т. д., в том числе *fabulae* и *historiae* и другие *scripta*; т. е. об *historia* как о каком-то виде знания он не говорит здесь вообще (*Didascalon*, З. 4). Недаром, как констатировал сам Х. Волтер, термин «*historia*» весьма нечасто всплывает в системе наук того времени и до нас не дошло ни одного соответствующего «методического труда» (*de arte historica*). Скорее всего, в то время не существовало какого-то собственно «исторического метода», который был бы рядоположен с приемами *artes*. Fugo и electio Оттона Фрейзингенского, о которых часто вспоминают специалисты, были не критериями, типичными только для историографии, а распространенными принципами *sciencia*.

Соотношение между *historia* и свободными искусствами представляется таким: методически «история» оказывалась зависима от *artes liberales*, в значительной мере используя их свойства как свойства вспомогательных дисциплин. Это объясняется как ее характером (подготовительный курс к *scientiae*), так и ее функцией быть неким принципом для каждой из наук. Но «история» не составляла особой *ars*, ибо ей не доставало сопряженного с *ars* особого метода. Ее место было не в *artes* и не рядом с *artes*, но так как она пользовалась методами свободных искусств, то ей на практике придавали весьма высокое

значение. А. Борст в своем исследовании материалов Констанцского университета показал, что, как ни странно, история пользовалась там большим успехом именно потому, что не была включена в состав специальных дисциплин. Фактически это признает и Л. Бем, хотя (вслед за Августином — *De trinitate*, 1. XII—XIV) оценивает *historia* как *scientia* (конечно, не вычленяя ее из системы свободных искусств): *scientia* в данном случае оказывается не наукой, а *cognitio rationalis*, способом познания человеческого разума, «необходимо ведущей ступенью познания на спасительном пути души к лицезрению Бога».

Тем самым вопрос о месте «истории» в средневековой мысли не только переводился историографией в иную плоскость, но и в данной форме он оказывался вообще неправомерным: «история» в рамках *artes* была вовсе не исторической наукой, как иногда подразумевается по умолчанию; наоборот — «искусства» вносили более чем значимый вклад в историописание. Если историописание обращалось к «искусствам», то прежде всего оно обращалось к их научным основам, но если *artes* обращались к «истории», то обращались к письменному труду с историческим содержанием. Иными словами, вряд ли следует подобное занятие свободных искусств «историей» связывать с вопросом о теоретическом месте исторической науки в средневековом знании. А это ведет к другому вопросу: что понимали тогда под *historia*?

«Историю» как явление, охватывающее всю полноту «отдельных историй», «историю саму по себе», как пишет Р. Козеллек¹, мы знаем, как известно, только с XVIII в. Чуть ранее этим словом обозначали какую-то конкретную историю (= событие/события) в прошлом (вроде истории Цезарей или римлян). Но латинское понятие «*historia*» имеет свои этимологические основания². Термин «*historia*», как известно, восходит к греческому *ἱστορία* (в ионийском диалекте Геродота — *ἱστορίη*, субстантиву от *ἱστορεῖν* — «спрашивать», «сообщать», «[раз]узнавать»), и обозначает знание, добытое собственным опытом, «разузнавание» (впервые — у Геродота), а в узком смысле — «историописание» и «исторический труд» (впервые — у Аристотеля), наконец, при эллинизме — «сумму прошедшего»

(Полибий). И римляне, и средневековые интеллектуалы знали о греческом происхождении этого слова, что особенно четко выразил в своих «Этимологиях» Исидор (Etym. 1, 41). Historia в духе Аристотеля и Полибия, а значит и Исидора (то, что А. Зейферт именует «*etymologischen Historia-Begriff*»), бралась на вооружение теми или иными авторами и легко варьировалась. Сообщение очевидца довольно долго считалось самым идеальным источником для историописателя — решающим было то, что рассказывалось о реально произошедшем и увиденном (испытанном). Гуго из Сен-Виктора переводил јсторЭш как *video et narratio*. Стефан Лангтон (конец XII — начало XIII в.) писал, что *historia* рассказывает об «увиденном произошедшем». Но сообщение очевидца у этих корифеев уже именовалось «обыкновением древних» и не считалось непреложным правилом. У Роберта Мелунского значение интересующего нас термина окончательно смещается с *res gesta*, с содержательного его аспекта (*proprie*), на *scriptura de re gesta composite*, а значит — со свидетельства очевидца на любой исторический опус.

Со времен появления этимологических изысканий в отношении *historia* средневековое понимание ее оставалось комплексным и многозначным. Л. Бем и О. Энгельс выявляют три основных ее значения: 1) в своей первоначальной основе — определенный способ познания, направленный на прошлое, деятельность по познанию его и изображению и полученное из подобного опыта знание; 2) предмет познания — реальные факты, *res gestae* как произошедшее или как сумма произошедших событий; 3) изображение исторического как литературный жанр и тем самым как деятельность в форме письменной фиксации или письменной традиции (Бем) либо засвидетельствование как историческое знание из прошлого (Энгельс).

Определение истории, на которое опираются оба немецких исследователя и которое для раннего и классического европейского Средневековья является основным, опять-таки обязано своим происхождением Исидору Севильскому. Согласно Etym. 1, 41, «история» — это «рассказ о событиях, благодаря которому мы узнаем о произошедшем в прошлом». Эта дефиниция напоминает понимание «истории», демонстрируемое риторами. Если

сравнить ее с проведенными выше наблюдениями над значениями *historia*, выявленными Л. Беем и О. Энгельсом, то обнаружатся следующие модификации:

1. *Historia* — это уже не определенный способ познания. Бем сделала подобный вывод, основываясь на Исидоровом изображении связей *arid veteres*, т. е. с такими реалиями и авторами, которые уже считались устаревшими. *Historia* оказывается не деятельностью по изображению чего-то (Бем), не надежным знанием о прошлом (Энгельс), а историческим рассказом, благодаря которому знание только и приобретается, и, следовательно, она гораздо менее обозначает науку о прошлом: это научный рассказ о произошедшем с целью исторического познания.

2. *Historia* — не предмет познания, *res gesta*, факт из прошлого, а в большей степени *narratio rei gestae*, факт, переработанный в (исторический) рассказ. *Historiae* оказываются памятниками (*monumenta*), ибо запечатлевают *res gestae* в памяти (Etym. 1, 41).

3. Наконец, *historia* не является каким-то жанром историописания; Исидор знал по крайней мере три «жанра истории» (*genere historiae*), а именно *ephemeris* (*diaria*) (дневники), *kalendaria* (ежемесячники) и *annales* (ежегодники). Сама *historia* оказывалась широкохватывающим понятием, применявшимся к любому историческому труду, выходящему далеко за отмеченные временные рамки, иначе говоря, она являлась «книгой истории», причем Исидор предполагал в ней хронологический порядок событий как само собой разумеющуюся вещь³.

Мнимое многообразие значения слова «*historia*» у Исидора на деле реализовывалось в твердом понятии исторического рассказа или, иначе говоря, исторического произведения. (Подобное представление об «истории» превалировало и в античной мысли.) По Исидору, *historia* — это письменный рассказ о прошлом в поучение людям. Подобное понимание предмета сохраняется и в классическое Средневековье (см. у Гуго из Сен-Виктора в *De sacramentis prol. 4*, а также в *Tractatus de confirmatione seu enucleatione «Speculi Grandimontis»*, 13 Герарда, у Арнульфа Миланского в *Gesta archiepiscoporum*

Mediolanensium, 1.1, у Винсента из Бовэ в *Speculum doctrinale*, 3, 127, и т. д.). *Historia* почти всегда обозначала конкретный исторический труд, зачастую это отмечалось в его титуле. Она была отдельным рассказом об исторических лицах или событиях, входила как часть в какую-нибудь первую главу собственно исторического произведения (см. у Оттона Фрейзингенского 1.16 с отсылкой на 1.11). «Историю» можно было слушать (вспомним важные наблюдения Д. С. Лихачева об аудиокультуре средневековой книжности), но запись ее была непреложным правилом (на существование неписьменных *historiae* указывал в прологе к своим «Деяниям» Адам Бременский). *Historia* сообщалась (*referre*), записывалась, в ней «сплетали» в некое новое творение сообщения минувшего времени (*contexere*). Результатом была *historia scriptu gatum*, которая в каждом отдельном случае составлялась в конкретном порядке. Так, Андреас из Марша в своей *Historia regum Francorum* (*praef.*) отмечает, что Юлий Африкан, Евсевий, Иероним, Проппер, Орозий, Виктор, Исидор, Беда, Сигеберт и Ансельм из Жамбуль, а также Григорий Турский организовывали свои *historiae* по царствованиям и временам (*regnis et temporibus*). Андреас шел вслед за этими *litteratura* и сам написал «историю» франкских королей.

Кроме того, *historia* не обозначала «историю» как свод событий, составлять который могли весьма тщательно. Еще Августин писал о *quid in praeteritis habebitur* или о *facta et dicta quae tempore peraguntur*, которые составляли *historia cognitionis*. Если Орозий полагал, что все *historiae* начинались с Нина, а все *historiae Romanae* с Прока, то он подразумевал под ними не историческое прошлое, которое на деле началось много раньше, а всего лишь историографию. Когда средневековые историографы, которых иногда уже называли *historici*, начинали разговор о минувшем, они говорили не о *historia*, а о *res gestae* или о *series rerum gestarum*. *Res gestae* являлись *res*, т. е. действительностью, а *gestae* — произошедшим, минувшим. *Historia* и *res gestae* не были в Средние века взаимозаменимыми понятиями, как полагает О. Энгельс, так как *historiae* были не событиями, т. е. *res gestae*, и в них совершенно в духе дефиниции

Исидора *рассказывалось* о произошедшем (*facta*), которое включало в себя *series rerum gestarum*, т. е. события (по выбору и при посредстве историописателя), оформленные в историческое произведение.

¹ Koselleck R. Standortbindung und Zeitlichkeit. Ein Beitrag z. historiographischen Erschließung der geschichtl. Welt // Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten, 1979. S. 181.

² Historia толковалась как *rei praeteritate* или *rei praeteritae memoriali* (Corpus glossariorum latinorum. Amsterdam, 1965. № 4. S. 349).

³ Если Исидор этимологически отличал *historia* как современную историю от *annals* как истории прошлого и тем самым противоречил своей вышеотмеченной дефиниции *historia* как *рассказа* о прошлом, то подобное различие, исходящее из жанров Тацита, в Средние века практической значимости не обрело.

M. B. Щелконогова

Конфессиональные противоречия в английском обществе во второй половине XVI — начале XVII в.: истоки и пути формирования

Осмысление истоков и путей развития религиозной культуры человека Нового времени, изучение Священного Писания, которое веками формировало сознание и во многом менталитет различных народов, — все это находится в русле современных тем изучения интеллектуальной истории. Во второй половине XX в. значительно расширился круг вопросов, касающихся проблематики природы национального характера, явлений, послуживших основой для формирования духа нации. Все чаще в историографии появляются работы, освещдающие то, как современники исторических событий воспринимали изменения климата эпохи, какую оценку они им давали.

Как показывает исторический опыт, в кризисные периоды жизни общества растет интерес к прошлому, к тем традициям, которые формировались и развивались на протяжении многих